

Виктория Коритнянская

Война вернулась...

Война вернулась к нам снова, спустя столько лет... И на слуху у нас теперь ежедневно и ежечасно страшные слова: «воздушная тревога», «обстрелы», «фронт», «потери», «эвакуация»... А на душе тревога и боль, страх и глухая ярость, и воля к победе, и вера, и надежда. Все как тогда, восемьдесят лет назад.

Этот очерк был написан мною в ноябре 2021 года по материалам интервью с Элеонорой Эдуардовной Меджибовской – одесситкой, родившейся за полгода до рокового месяца июня в 41-м. Мы говорили с ней тогда о войне, как о прошлом, а оказалось – мы говорили о настоящем...

Помню радость от этой встречи... Потому что все мы выжили в этой войне...

– Я родилась в 1941 году и войну, конечно, не помню. Помню какие-то отдельные моменты, которые меня, ребенка, тогда очень поразили. Например, я помню Москву, мы из эвакуации возвращались через Москву. Помню, как в метро в вагонах двери сами открывались и закрывались. Помню эскалатор – лестницу, которая ехала сама. *(Улыбается.)* Мы останавливались у родственников под Москвой, и помню, как мы приехали, и они к нам бежали... Помню радость от этой встречи. Потому что все мы выжили в этой войне.

Я одесситка во втором поколении. Моя семья по линии мамы из Балты, а со стороны отца дед был из Бендер, а у бабушки, папиной мамы, в метрике было написано «покатиловская мещанка». Потом семьи отца и мамы переехали в Одессу. Почему? Видимо, они спасались от погромов. Моя мама София Герцевна появилась на свет уже в Одессе, а вот две ее старшие сестры родились еще в Балте.

Я не помню, чтобы мои бабушки и дедушки были ортодоксальными евреями. Но, конечно, они были намного более евреями, чем я сейчас. Вы знаете, во мне настолько выжгли все еврейское, что я сейчас не знаю ни одного слова на идиш, хотя бабушки и дедушки говорили на этом языке. Я не знаю, не соблюдаю праздники. Бывало такое: праздник уже прошел, а я только потом от кого-то узнавала об этом. И мои родители – они тоже были уже советские.

Семья мамы жила в доме на Успенской, 129. Бабушка, дедушка и четверо детей: три дочки и самый младший – сын Осик, Иосиф. Он, к сожалению, умер в шестнадцатилетнем возрасте, у него был порок сердца. У бабушки с дедушкой была хорошая отдельная квартира, но так получилось – Осик умер в бабушкиной спальне, и после похорон, когда бабушка вернулась домой, она туда больше не зашла. Ни разу! Она легла в гостиной на диване, и дедушка вынужден был искать другую квартиру. В течение трех месяцев он самостоятельно нашел новое жилье, и они переехали жить в коммуну...

Нет, и папина, и мамина семья не были зажиточными. Отец мамы был резчиком по дереву. В районе Привоза у него был небольшой мебельный магазинчик. Он сам делал мебель. И дома у них, мама рассказывала, поначалу стояла мебель, сделанная дедушкиными руками. Буфет с резными ножками в виде львиных лап, еще что-то... А отец папы был служащий. Он работал кассиром и счетоводом, был очень честный, порядочный человек.

Семья папы жила на Чижикова, сейчас это Пантелеймоновская, а еще раньше, я знаю, эта улица называлась Новорыбная. У папы была старшая сестра Анна. Ее муж, украинец по национальности, Шпаковский Григорий Никифорович, был деканом физико-математического факультета в одесском университете. Как и папа, он пошел в ополчение. И был убит. Вернее, пропал без вести в первые месяцы войны. Из-за того, что он пропал без вести, тетя Аня очень долго потом не могла оформить на дочь пенсию за погибшего, и только благодаря свидетельству одного сослуживца мужа, которого она с большими трудностями все-таки смогла разыскать, ей удалось это сделать. Этот сослуживец рассказал, что они вместе с Григорием и другими солдатами где-то

там находились, потом его послали за чем-то, а когда он вернулся – на том месте была уже одна воронка.

От автора. В электронной базе данных «Память народа 1941-1945 гг.» обнаружен запрос одесскому городскому военному комиссару от жены Г.Н. Шпаковского (командира отделения, сержанта) А.Г. Вайнштейн с просьбой разыскать мужа (1903 г. р., уроженца г. Славянска Сталинской (в настоящее время Донецкой) области, призванного в Одессе 16 августа 1941 г.). На документе от руки написано: «Пропал без вести в октябре 1941 г.».

Мой папа Вайнштейн Эдуард Гершевич начал свою трудовую деятельность в пятнадцать лет. Когда он окончил семилетку, пошел и с вечера занял очередь на бирже труда. Там ему дали направление в Конторгуч – школу конторского торгового ученичества (вечерняя школа ФЗУ Конторгуч, в которой готовили счетоводов. Располагалась по адресу ул. Ямчитского, 7. – **В. К.**). После окончания этой школы его направили учеником в Госбанк. Папа был очень способный, быстро поднимался по службе и, если не ошибаюсь, в девятнадцать лет уже был начальником отдела.

Родители поженились, когда маме было девятнадцать, а папе двадцать один год. Я первый и единственный ребенок в семье. В июне 41-го мне было уже пять с половиной месяцев, я родилась в январе. Родители, чтобы ребенок «дышал воздухом», сняли на девятой станции Большого Фонтана дачу на все лето, заплатили всю сумму вперед и пробыли там ровно неделю, потому что началась война. У папы было плохое зрение, он был невоеннообязанный, но добровольно пошел в ополчение. У него медаль «Участник обороны Одессы» за номером, кажется, семьдесят два. 20 сентября 1941 года в Дальнике он был тяжело ранен в плечо. Осколок вошел справа, прошел через легкое и вышел слева, внизу спины...

От автора. Сведения, обнаруженные об отце Элеоноры Эдуардовны Э.Г. Вайнштейне в ЭБД «Память народа 1941-1945 гг.»: родился 18 января 1914 г. в г. Одессе. Поступил на службу 7 августа 1941 г., окончил –

в январе 1942 г. Последнее место службы – 90-й стрелковый полк 95-й стрелковой дивизии Южного фронта. Старший лейтенант интендантской службы. Награжден медалью «За оборону Одессы» (№ 00185, удостоверение от 29.07.1944 г.) и орденом Отечественной войны I степени (приказ № 194 от 23.12.1985 г.).

Папа попал в госпиталь. Когда наши оставляли Одессу, его вместе с другими ранеными погрузили на пароход и привезли в Новороссийск. Там их выгрузили на причал, и... начался налет. А папа знал, что в Новороссийск эвакуировался банк, в котором он работал, поэтому он попросил медсестру, чтобы та сообщила, что он здесь. Медсестра побежала в банк, и за папой пришли. Я потом тоже работала в этом же банке, и один мужчина, мой сослуживец, мне как-то рассказывал:

– Я пришел на пристань, а он там – бледный, страшный...

В общем, папу забрали и отправили в госпиталь, в Пятигорск, где он лежал пять с половиной месяцев. И уже оттуда, из госпиталя, он разыскал свой банк, тот эвакуировался в город Энгельс в Саратовской области, и нас – мы жили в Коканде (город в Узбекистане. – В. К.). В день, когда мне исполнился год, мама узнала, что папа жив: мы получили от него поздравительную телеграмму из Пятигорска. Нет, конечно, мама не знала, что с ним. Мы уехали в июле, а папа остался и был ранен в сентябре. А моего мужа, он родился 23 июля 41-го года, вывезли на последнем пароходе, который уходил из Одессы. И свекровь рассказывала, она рожала его в роддоме, что уже через час после родов вынуждена была бежать в бомбоубежище, потому что Одессу бомбили...

Как мы уезжали? О... Вы же знаете теплоход «Ленин»? Все стремились попасть на него, и дедушка мой стремился тоже... Он бегал ночью на эти переклички, но, к счастью, теплоход ушел без него. *(Улыбается.)* Поэтому мы эвакуировались на теплоходе «Фабрициус». Я была самая маленькая на корабле, мне было чуть больше полугода. Ехали мы в трюме, и дедушка увидел там крошечную каюту, такую крошечную, что там мог поместиться только один человек, и он, конечно, за деньги договорился, чтобы эту каюту отдали маме, потому что она была с маленьким ребенком. Мама со мной ушла в каюту, но с нами

ехал заведующий первым гастрономом, он перекупил эту каюту, и ее отдали ему...

С нами на пароходе была наша собака по кличке Дези. Когда мы грузились на теплоход, папа провел нас, а сам вернулся в банк. А Дези, видимо, приходила к нему на работу и раньше, потому что в тот день он сказал охраннику:

– Если придет Дези, прогони ее.

И когда она прибежала, охранник ее прогнал, но Дези не пошла домой, а взяла папин след и пришла в порт. Когда она пришла, пароход уже отчалил. Тогда Дези бросилась в море и поплыла за кораблем, и ее через кочегарку взяли на корабль. Мама говорила, что когда она увидела Дези, чуть не упала в обморок, она думала, что люди будут ругаться, потому что кругом было очень тесно... Но все обошлось, люди хорошо восприняли, что на пароходе собака, и даже всю дорогу ее подкармливали.

К сожалению, Дези потом потерялась. Когда в Мариуполе мы вышли, погрузились на машину и поехали, Дези долго бежала за нами, а потом потеряла след и пропала... Нет, я не помню, какой она была породы... И фотографий, чтобы посмотреть, у нас, к сожалению, не сохранилось. Там же, в Мариуполе, нас обокрали. У нас украли два чемодана с вещами и... Еще на пароходе я заболела крупозным воспалением легких. Поэтому, когда нас выгрузили, первым делом дедушка узнал адрес врача, и мы поехали к нему. Тот уже сидел буквально на чемоданах, но принял нас, осмотрел меня, а после вытянул из своей аптечки и дал маме несколько таблеток сульфидина. При этом он сказал:

– Если ей это поможет – хорошо, если нет – дело плохо...

Мне, как видите, помогло!

Как мы ехали в Коканд, я не знаю, знаю только, что жили мы там в ужасных условиях. Нас поселили в дом к одной хозяйке, она выделила нам проходные сени, в которые на ночь заводила коз, и ночевали мы там все вместе. Поэтому, когда папа получил назначение на работу в Самарканд и уехал, мы почти сразу же уехали вслед за ним. Это было где-то в феврале 42 года. В Самарканде папа работал заместителем главного бухгалтера в областной конторе Госбанка. Он работал там до июня 43 года, потом его

перевели в Бухару. Но мы уже не переезжали, нет... И двор, где мы жили в Самарканде, я уже хорошо помню.

Я помню, что во дворе у нас жил баран Яшка. Он бодался, я его ужасно боялась, и когда Одессу освободили, и в семье стали говорить, что мы скоро уедем, я не знала, что такое «Одесса», и не знала, что такое «освобождение», но помню, как говорила Яшке:

– Больше ты бодать меня не будешь, потому что освободили Одессу, и я скоро уеду!

Помню нашу квартиру: мы жили в здании конторы, и в служебном помещении у нас была кухня, а потом шла комната... И мне было два года, но когда приехали бабушка и дедушка из Сибири, я помню, как я пошла к управляющему, чтобы взять у него для них пропуск. И я помню эту будочку и окошко на проходной. Помню, как отмечали мой день рождения...

Мама до войны работала бухгалтером в медине, а в Самарканде – на мясокомбинате в отделе сбыта. Она часто оставалась на работе допоздна, потому что обычно ночью прилетали самолеты, и они (работники отдела) отправляли мясо прямо на фронт. А когда стало известно, что освободили Одессу, мама была как раз в командировке в Ташкенте и рассказывала, как все одесситы, кто там жил, высыпали радостные из гостиницы на улицу...

Из-за того что мама все время была на работе, я видела ее очень редко. Поэтому когда однажды утром (я ночевала у тети, она и там, в Ташкенте, жила отдельно от нас) тетя Сима спросила меня:

– Норочка, когда ты в следующий раз придешь ночевать? – я ответила:

– Когда моя мама снова пропадет!

А как-то у тети Симы заболел живот, и бабушка дала ей яйцо, чтобы та его сварила вкрутую и съела. И я, видя все это, спросила:

– А что, взрослые тоже кушают яйца?

А муж тети Симы как-то ездил по делам в Фергану и привез оттуда две булочки, одну своей дочке, а другую – мне, и я эту булочку ела с такой жадностью, с таким аппетитом, что он это запомнил на всю жизнь. *(Смеется.)*

Я помню, как мы уезжали из Самарканда. Мне было три года. Помню, как нас провожали, а потом на вокзале нужно было долго ждать поезд, и взрослые составили вместе чемоданы, и я на них спала.

Папа уехал раньше нас, 19 апреля он был уже в Одессе. И мы хотели тоже сразу вернуться, но город снова начали бомбить, и мы поэтому задержались у родственников под Москвой.

Когда папа приехал в Одессу, оказалось, что дом наш разрушен (в него попала бомба). Поэтому он получил ордер на квартиру в доме, где раньше был кинотеатр Горького. Это была коммунальная квартира, у нас там было две большие комнаты. Я помню, как я впервые зашла в эту квартиру. Во-первых, там был балкон, а я не знала, что это такое, потому что в Самарканде мы жили на первом этаже. А во-вторых, там блестел пол. Папа же приехал раньше нас и успел убрать и все подготовить. Правда, когда мы вернулись в Одессу, он был в командировке в Москве, поэтому заходили в квартиру мы сами, и этот красивейший паркет, который блестел, я запомнила. А еще я помню: посередине комнаты стоял стол, накрытый газетой, стояла кровать, застеленная солдатским одеялом, а в углу стоял детский гарнитур: столик, два креслица и сдвоенная скамеечка. И один из этих стульчиков сохранился у нас до сих пор! На нем сидели мои внуки и сидят мои правнуки!

А потом как-то в один из дней мы пошли к бывшим нашим соседям Кашутским. У них родители оставляли вещи, когда уезжали в эвакуацию. И они нам отдали портьеры, электрочайник, банкетку, кресло-качалку, еще что-то... А когда мы уже уходили, мама вдруг увидела: на стене висит таз, тот самый, который им на дачу купил дедушка, чтобы греть на солнце воду и купать меня, и мама сказала: – Это наш таз.

И она, Кашутская, я не помню, как ее звали, сняла и отдала его нам...

Я пошла в садик уже в Одессе. Он находился на Приморском бульваре, видимо, в бывшем дворце (детский сад № 110, который посещала Элеонора Эдуардовна, располагался в бывшем банкирском доме Ф.П. Родоканаки по адресу Приморский бульвар, 10. – В. К.). Потому что я помню эти большие залы, потолки с лепниной и мраморные лестницы с громадными пролетами... А во Дворце моряка в одной из стен было сделано окно, оно выходило на улицу, и в нем продавали пахлаву, мама мне иногда ее покупала... А до этого я сидела с бабушкой дома и у фребелички. Она гуляла с нами (с Элеонорой и другими детьми) на Соборной площади. И там я

Норочка (Элеонора Эдуардовна) с родителями. Одесса. 1946-1947 гг.

видела немецких военнопленных, они были в робах. Дети их дразнили: «Немец, перец, генерал, сел на лошадь и удрал!». И там же, на Соборной площади, я помню, мы видели парад в честь Победы. По Преображенской со стороны Привоза шли военные и техника, и я запомнила – на дула пушек были надеты чехлы. А когда объявили о Победе, всю ночь на улице стреляли, кричали и веселились.

Когда я была в садике, нас водили гулять в парк, туда, вниз, где сейчас Стамбульский парк. И там, помню, были могилы моряков, и в Горсаду были могилы... А потом, помню, мы как-то пришли после выходных, а могил уже нет. Их перенесли куда-то. А еще в этом парке были свалки, и однажды мальчик из нашей группы нашел там что-то... не знаю что, но он это бросил, и произошел взрыв, и мальчику на руке полностью сорвало кожу. И наша воспитательница... она очень растерялась, потому что не могла оставить нас (детей) одних, а нужно же было этому мальчику оказать помощь, отвести его к доктору и так далее... Помню полуразрушенное здание теперешней нашей Думы, его как-то очень долго

восстанавливали, а потом все время подкрашивали, перекрашивали... А на здании школы № 121 на торце по трафарету было написано большими буквами: «Квартал проверен. Мин нет».

Голод в 46 и 47 годах я не помню. Помню, что были карточки. Помню, как я хотела, а мне не давали. это – не детская еда, говорили, мамалыгу и малаи – это такие пироги из кукурузной муки. Помню фальшивое жаркое. Знаете, что это? Это жаркое без мяса. Брели картофель, лук и тушили. А мне оно очень нравилось, и я просила маму: «Хочу паршивое жаркое». Мне казалось, что они говорят не «фальшивое», а «паршивое». *(Смеется.)*

Конечно, я помню, как умер Сталин. Мне уже было двенадцать лет. Я верю, что тогда рыдали искренне. Для меня, для всех Сталин, Молотов, другие вожди – это было что-то святое! Не передать, что тогда творилось... Сталин болел, и каждый день передавали бюллетень о состоянии его здоровья. И папа тогда был в командировке в Киеве, а мама вскакивала в шесть часов утра, чтобы узнать, как он (Сталин) себя чувствует. А когда он умер, у всех было одно: «Что с нами будет?». Не представляли люди, как теперь без Сталина...

На площади Льва Толстого стоял раньше памятник Сталину. Возле него в тот день был митинг, мы (ученики) стояли в почетном карауле, люди несли венки, и все лили горькие слезы. Сталин умер 5 марта, а хоронили его девятого. И все эти дни люди рыдали. И учителя в школе. Все учителя, когда заходили к нам в класс на урок, начинали рыдать.

И дело врачей я помню. Сталина лечил Вовси, брат актера Михоэлса. И когда все это началось, говорили:

– Чем лечиться у Вовси, лучше вовсе не лечиться...

Когда дело врачей было закрыто и всех осужденных начали реабилитировать, папа позвонил маме, он снова был в командировке, и... Он же не мог говорить об этом открыто, поэтому спрашивал:

– Ну как? Как настроение?

И мама ему радостно:

– Хорошо! Все хорошо! – отвечала.